

АН

МОЛ

Антоний Сурожский

Молитва и жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11301906

Аннотация

Митрополит Антоний Сурожский является одним из самых известных и почитаемых православных философов и проповедников. Основную часть его духовного наследия составляют проповеди. Они написаны просто и искренне, но вместе с тем в них заложен глубокий смысл и мудрость. Антоний Сурожский по праву считается голосом Православия XX века, одним из тех, кто сумел вернуть многих российских и западных христиан к Богу. "Молитва и жизнь" включает проповеди и беседы Антония Сурожского на тему молитвы. Митрополит рассказывает о сущности молитвы, о том, как правильно возносить молитвы и почему многие из них остаются без ответа.

Содержание

Предисловие	4
СУЩНОСТЬ МОЛИТВЫ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Митрополит Антоний Сурожский

МОЛИТВА И ЖИЗНЬ¹

Предисловие

Молитва означает для меня личные отношения. Я не был верующим, затем внезапно открыл Бога, и сразу же Он предстал передо мной как высшая ценность и весь смысл жизни, – но в то же время и как личность. Думаю, что молитва ничего не означает для того, для кого нет объекта молитвы. Вы не можете научить молитве человека, у которого нет чувства Живого Бога; вы можете научить его вести себя в точности так, как если бы он верил, но это не будет живым движением, каким является подлинная молитва. Поэтому в качестве введения к этим беседам о молитве я именно хотел бы передать свою убежденность в личной реальности такого Бога, с Которым могут быть установлены отношения. Затем я попрошу читателя относиться к Богу, как к живому лицу, к соседу, и выражать это свое знание в тех же категориях, в каких он выражает свои отношения с братом или другом. Думаю, что это самое главное.

Одна из причин, почему молитва, общественная или частная, кажется столь мертвой или столь формальной, в том, что слишком часто отсутствует акт богосклонения, совершающийся в сердце, которое общается с Богом. Каждое выражение, словесное или в действии, может быть помощью, но все это лишь выражение главного, а именно – глубокого безмолвия общения.

Из опыта человеческих взаимоотношений все мы знаем, что любовь и дружба глубоки тогда, когда мы можем молчать друг с другом. Если же для поддержания контакта нам необходимо говорить, мы с уверенностью и грустью должны признать, что взаимоотношения все еще остаются поверхностными; поэтому, если мы хотим молитвенно поклоняться Богу, то должны прежде всего научиться испытывать радость от молчаливого пребывания с Ним. Это легче, чем может показаться сначала; для этого нужно немного времени, немного доверия и решимость начать.

Однажды «Арский Кюре», французский святой начала девятнадцатого века, спросил старого крестьянина, что он делает, часами сидя в церкви, по-видимому даже и не молясь; крестьянин ответил: «Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и нам хорошо вместе». Этот человек научился говорить с Богом, не нарушая тишину близости словами. Если мы это умеем, то можем употреблять любую форму молитвы. Если же мы захотим, чтобы сама молитва состояла в словах, которые мы употребляем, то безнадежно устанем от них, потому что без глубины молчания эти слова будут поверхностны и скучны.

Но каким вдохновляющими могут быть слова, когда за ними стоит безмолвие, когда они наполнены духом правым:

Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою (Пс. 50: 17).

СУЩНОСТЬ МОЛИТВЫ

Евангелие от Матфея почти с самого начала ставит нас лицом к лицу с самой сущностью молитвы. Волхвы увидели долгожданную звезду; они немедленно пустились в путь, чтобы найти Царя; они пришли к яслям, пали на колени, поклонились и принесли дары; они выразили молитву в ее совершенстве, то есть в созерцании и трепетном поклонении.

В более или менее популярной литературе о молитве часто говорится, что молитва – это захватывающее путешествие. Нередко можно услышать: «Учитесь молиться! Молиться так интересно, так увлекательно, это открытие нового мира, вы встретитесь с Богом, вы найдете путь к духовной жизни». В каком-то смысле это, разумеется, верно; но при этом забывается нечто гораздо более серьезное: что молитва – это путешествие опасное, и мы не можем пуститься в него без риска. Апостол Павел говорит, что *страшно впасть в руки Бога Живого* (Евр. 10: 31). Поэтому сознательно выйти на встречу с Живым Богом – значит отправиться в страшное путешествие: в каком-то смысле каждая встреча с Богом это Страшный суд. Когда бы мы ни являлись в присутствие Божие, будь то в таинствах или в молитве, мы делаем/совершаем нечто очень опасное, потому что, по слову Писания, Бог есть огонь. И если только мы не готовы без остатка предаться божественному пламени и стать горящей в пустыне купиной, которая горела, не сгорая, это пламя опалит нас, потому что опыт молитвы можно познать лишь изнутри и шутить с ним нельзя.

Приближение к Богу всегда бывает открытием и красоты Божией, и расстояния, которое лежит между Ним и нами. «Расстояние» – слово неточное, ибо оно не определяется тем, что Бог свят, а мы грешны. Расстояние определяется отношением грешника к Богу. Мы можем приближаться к Богу, только если делаем это с сознанием, что приходим на суд. Если мы приходим, осудив себя; если мы приходим, потому что любим Его, несмотря на нашу собственную неверность; если мы приходим к Нему, любя Его больше, чем благополучие, в котором Его нет, тогда мы для Него открыты и Он открыт для нас, и расстояния нет; Господь приходит совсем близко, в любви и сострадании. Но если мы стоим перед Богом в броне своей гордости, своей самоуверенности, если мы стоим перед Ним так, как будто имеем на это право, если мы стоим и требуем от Него ответа, то расстояние, отделяющее творение от Творца, становится бесконечным. Английский писатель К. С. Льюис² высказывает мысль, что в этом смысле расстояние относительно: когда Денница предстал перед Богом, вопрошая Его, – в тот самый миг, когда он задал свой вопрос не для того, чтобы в смирении понять, но чтобы принудить Бога к ответу, он оказался на бесконечном расстоянии от Бога. Бог не двинулся, не двинулся и сатана, но и без всякого движения они оказались бесконечно отдалены друг от друга.

Когда бы мы ни приближались к Богу, контраст между тем, что есть Он и что представляем собой мы, становится ужасающе ясным. Мы можем не сознавать этого все то время, что живем как бы вдали от Бога, все то время, когда Его присутствие и Его образ остаются тусклыми в наших мыслях и в нашем восприятии; но чем больше мы приближаемся к Богу, тем острее выступает контраст. Не постоянная мысль о своих грехах, а видение святости Божией позволяет святым познать свою греховность. Когда мы смотрим на себя без благоуханного фона Божия присутствия, грехи и добродетели кажутся чем-то мелким и, в каком-то смысле, несущественным; только на фоне Божественного присутствия они выступают со всей рельефностью и обретают всю свою глубину и трагичность.

² C. S. Lewis. Screwtape Letters. Letter XIX. Рус. пер. см. в: К. С. Льюис. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика. 1992.

Всякий раз, когда мы приближаемся к Богу, мы оказываемся перед лицом либо жизни, либо смерти. Эта встреча – жизнь, если мы приходим к Нему в надлежащем духе и обновляемся Им; это гибель, если мы приближаемся к Нему без благоговейного духа и сокрушенного сердца; гибель, если мы приносим гордость или самонадеянность. Поэтому перед тем как отправиться в так называемое «захватывающее путешествие молитвы», нельзя ни на минуту забывать, что не может случиться ничего более значительного, более в трепет повергающего, чем встреча с Богом, на которую мы вышли. Мы должны сознавать, что в этом процессе потеряем жизнь: ветхий Адам в нас должен умереть. Мы крепко держимся за ветхого человека, боимся за него, и так трудно не только в начале пути, но и годы спустя, почувствовать, что мы полностью на стороне Христа, против ветхого Адама!

Молитва – это путешествие, которое приносит не волнующие переживания, а новую ответственность. Пока мы пребываем в неведении, ничего не спрашивается с нас, но как только мы что-то узнали, мы отвечаем за то, как употребляем свое знание. Пусть оно дано нам в дар, но мы ответственны за каждую частицу истины, нами узnanную, и как только она становится нашей собственной, мы не можем оставлять ее бездействующей, но должны проявлять ее в своем поведении. И в этом смысле от нас требуется ответ за всякую истину, нами понятую.

Только с чувством страха, богопочитания, глубочайшего благоговения можем мы приступать к риску молитвенного делания, и мы должны дорасти до него в своей внешней жизни как можно более полно и определенно. Недостаточно, устроившись удобно в кресле, сказать: «Вот, я приступаю к богопоклонению, перед лицом Божиим». Мы должны понять, что если бы Христос стоял перед нами, мы держали бы себя иначе, и должны научиться держаться в присутствии невидимого Господа, как держались бы в присутствии Господа, ставшего для нас видимым.

Прежде всего это предполагает определенное состояние ума, которое отражается и на состоянии тела. Если бы Христос был здесь, перед нами, и мы стояли совершенно прозрачными, умом и телом, для Его взгляда, то мы испытывали бы благоговение, страх Божий, любовь, может быть, даже ужас, но не держали бы себя так вольно, как делаем это обычно. Современный мир в большой мере утратил молитвенный дух, и дисциплина тела стала в представлении людей чем-то второстепенным, тогда как она далеко не второстепенна. Мы забываем, что мы – не душа, обитающая в теле, а человек состоящий из тела и души, и что, по апостолу Павлу, мы призваны прославлять Бога и в телах наших и в душах наших; наши тела, как и нашу души, призваны к славе Царствия Божия (1 Кор. 6: 20).

Слишком часто молитва не имеет для нас в жизни такого значения, чтобы все остальное отходило в сторону, уступая ей место. Молитва у нас – добавление ко множеству других вещей; мы хотим, чтобы Бог был здесь не потому, что нет жизни без Него, не потому, что Он – высшая ценность, но потому, что было бы так приятно вдобавок ко всем великим благодеяниям Божиим иметь еще и Его присутствие. Он – добавление к нашему комфорту. И когда мы ищем Его в такой настроенности, то не встречаем Его.

Однако, несмотря на все сказанное, молитва, как она ни опасна, все же лучший путь для того, чтобы идти вперед, к исполнению нашего призвания, и стать до конца человеческими, то есть войти в полное единение с Богом и сделаться в конце концов тем, что апостол Петр называет *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1: 4).

Любовь и дружба не возрастают, если мы не готовы жертвовать ради них многим; и точно так же мы должны быть готовы отрешиться от многого для того, чтобы первое место отдать Богу.

Возлюбии Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим (Лк. 10: 27). Это как будто очень простая заповедь, и, однако, в этих словах содержания гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Все

мы знаем, что значит любить кого-нибудь всем сердцем. Мы знаем, как радостно не только встретиться с любимым, но даже только подумать о нем, какую это дает отраду. Именно так нам надо стараться любить Бога, и каждый раз, когда упоминается Его имя, оно должно наполнять наше сердце и душу бесконечным теплом. Бог всегда должен быть в нашем уме, тогда как на самом деле мы думаем о Нем лишь от случая к случаю.

Что же до того, чтобы любить Бога всей нашей крепостью, то это возможно нам, только если сознательным намерением мы отторгаем от себя все, что в нас не Божие; усилием воли мы должны постоянно обращать себя к Богу – и когда мы молимся (тогда это легче, потому что в молитве мы уже сосредоточены на Боге), и когда что-нибудь делаем (что требует тренировки, ибо в этом случае мы сосредоточены на каком-то материальном достижении, которое должны посвящать Богу особым усилием).

Волхвы проделали долгий путь, и никто не знает, какие трудности им пришлось преодолеть. Каждый из нас так же путешествует, как и они. Они несли дары: золото для Царя, ладан для Бога и смирну для человека, которому предстояло претерпеть смерть. Где нам взять золото, ладан и смирну, – нам, которые за все должны Богу? Мы знаем, что все, что имеем, дано нам Богом и даже не является нашим навсегда или надежно. Все может быть отнято у нас, кроме любви, и это делает любовь тем единственным, что мы можем давать. Все остальное – члены нашего тела, разум, имущество – можно отнять у нас силой; но любовь – нет средства добиться ее от нас, если только мы сами не дадим ее. В отношении нашей любви мы столь же вольны, сколь не вольны ни в одном из прочих проявлений нашей души или тела. И хотя в основе даже и любовь – дар Божий, потому что мы не можем сами вызвать ее в себе, однако, когда имеем ее, это единственное, в чем мы можем отказать или что можем дать. В «Дневнике сельского священника» Ж. Бернанос говорит, что мы можем отдать Богу и свою гордость: «Отдай свою гордость вместе со всем остальным, отдай все». Гордость, отданная таким образом, превращается в дар любви, а всякий дар любви приятен Богу.

Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас (Мф. 5: 44) – заповедь, выполнение которой может быть для нас более или менее легким; но простить людям, причиняющим страдания тому, кого мы любим, – дело совсем иное. Тут может показаться, что ты словно бы совершаешь предательство. И однако, чем больше наша любовь к тому, кто страдает, тем более мы способны разделить страдание и простить, и в этом смысле наибольшая любовь достигнута тогда, когда мы вместе с рабби Егел Микаэлем можем сказать: «I am thy beloved», «Я и мой любимый – одно». Пока мы говорим «я» и «он», мы не разделяем страдания и не можем принять его. У подножия Креста Матерь Божия стояла не в слезах, как часто изображается в западной живописи; Она достигла такой полноты единения со Своим Сыном, что Ей нечему было противиться. Она проходила через распятие вместе со Христом; Она переживала собственную смерть. Мать завершала то, что начала в день принесения Христа во храм, когда Она отдала Своего Сына. Один из всех сынов Израилевых, Он был принят как кровавая жертва. И Она, принеся Его тогда, принимала последствия совершенного Его обряда, ставшего действительностью. И как Он тогда был един с Ней, так теперь Она была полностью едина с Ним, и Ей нечему было противиться.

Любовью мы становимся едины с тем, кого любим, и любовь позволяет нам разделять без остатка не только страдание, но и отношение к страданию и к тем, кто его причиняет. Невозможно представить себе Божию Матерь или ученика Иоанна протестующими против того, что было явной волей распинаемого Сына Божия. *Никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я Сам отдаю ее* (Ин. 10: 18). Он умирал добровольно, по Своему согласию, за спасение мира; смерть Его была этим спасением, и поэтому те, кто верил в Него и хотел быть единым с Ним, могли разделять страдание Его смерти, могли проходить через страсти вместе с Ним, но не могли их отвергнуть, не могли обратиться против толпы, распявшей Христа, потому что это распятие было волей Самого Христа.

Мы можем противиться чьему-то страданию, можем восставать против чьей-нибудь смерти или тогда, когда человек сам, будь это правильно или нет, противится им, или же когда мы не разделяем его намерений и его отношения к страданию; но в таком случае любовь наша к этому человеку – любовь недостаточная и создает разделение. Это такая любовь, какую проявил Петр, когда Христос по дороге в Иерусалим сказал Своим ученикам, что идет на смерть. Петр, *отозвав Его, начал прекословить Ему*, но Христос ответил: *Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мк. 8: 32). Мы можем представить себе, что жена разбойника, распятого слева от Христа, была полна того же протеста против смерти своего мужа, как и он сам; в этом смысле они были вполне едины, но и оба не правы.

Разделять же со Христом Его страдание, распятие, смерть – значит принять безоговорочно все эти события в той же настроенности, как и Он, то есть принять их добровольно, страдать вместе с Мужем скорбей, пребывать здесь в безмолвии, – безмолвии Самого Христа, нарушенном лишь немногими решающими словами, в безмолвии истинного общения; не в жалостливом молчании, но в безмолвии сострадания, которое делает нас способными вырасти в полное единство с другим так, что уже нет одного и другого, но одна жизнь и одна смерть.

На протяжении истории люди неоднократно были свидетелями преследований и не боялись, но разделяли страдания, не протестуя: например, София – мать, стоявшая рядом с каждой из своих дочерей, Верой, Надеждой и Любовью, вдохновляя их на смерть, или многие другие мученики, которые помогали друг другу, но никогда не обращались против мучителей. Дух мученичества можно показать на целом ряде примеров. В первом примере выражен самый дух мученичества, его установка: дух любви, которой не может сломить страдание или несправедливость. Священника, попавшего в заключение совсем молодым и вышедшего на свободу разбитый человеком, спросили, что осталось от него, и он ответил: «Ничего не осталось от меня, они вытравили буквально все, осталась только любовь». Такие слова свидетельствуют о правильной установке говорящего, и всякий, кто разделяет с ним его трагедию, должен разделить и его непоколебимую любовь.

А вот пример человека, который вернулся из Бухенвальда, и когда его спросили о нем самом, сказал, что его страдания ничто по сравнению с сокрушением о несчастных немецких юношах, которые могли быть так жестоки, и что он не находит покоя, думая о состоянии их душ. Его забота была не о себе (а он провел там четыре года) и не о бесчисленных людях, страдавших и умиравших вокруг, а о мучителях. Те, кто страдал, были со Христом; те, кто проявлял жестокость – нет.

Третий пример – молитва, написанная в концентрационном лагере заключенным-евреем:

Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездии... Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников...

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости. Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли – мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости... Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло!

И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу пострадавшую землю мир – мир людям доброй воли и всем остальным...

Один русский епископ говорил, что для христианина умереть мучеником – это особое преимущество, потому что никто, кроме мученика, не сможет на Страшном суде стать перед лицом Божиего Престола судного и сказать: «По слову Твоему и примеру я простил; Тебе нечего больше взыскать с них». Это означает, что тот, кто претерпел мученичество во Христе, чья любовь не поколебалась в страдании, тот обретает безусловную власть прощения над теми, кто причинял страдания. Это применимо и на гораздо более обыденном уровне, на уровне повседневной жизни; всякий, кто терпит малейшую несправедливость со стороны другого, может простить или отказать в прощении. Но это обоюдоострый меч; если мы не прощаем, то и сами не получим прощения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.